

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

А.Л. Андреев ОБРАЗ РОССИИ В СОЗНАНИИ РОССИЯН: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Что думают россияне по поводу международного положения страны? Какое место, по их мнению, она занимает в мире? И как эти мнения влияют на те или иные аспекты российской идентичности, претворяясь в конечном счете в некий интегральный образ России?

Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на материалы исследования "О новой России и россиянах: между Европой и Азией", проведенного учеными Института социологии РАН в августе–октябре 2007 г. Его результаты сопоставимы с данными, полученными в ходе более ранних исследований на аналогичную тему, что позволяет достаточно уверенно говорить о тенденциях, характеризующих динамику массового сознания. Всего в рамках проведенного исследования по квотной опросу 2000 респондентов от 16 до 65 лет, проживающих в поселениях разных типов субъектов Российской Федерации.

Как показывают данные социологического мониторинга массового сознания, на протяжении всей второй половины 90-х годов в российском обществе шел процесс смены ценностей и ориентиров. Менялся как образ самой России, так и эмоциональная тональность восприятия других стран и народов. Отношение практически ко всем странам, составляющим "активный" международный горизонт Российской Федерации, претерпело заметное охлаждение. Особенно резко и быстро изменились отношения россиян к Западу. Если первая половина 90-х годов была временем увлечения перспективами вхождения в "общество цивилизованных государств", сопровождавшееся попытками массированного переноса зарубежного опыта на отечественную почву, то в середине десятилетия в российском обществе сформировалась своего рода неоконсервативная волна, лейтмотивом которой стал отход от западнических настроений периода становления демократии. В массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, нашей стране не подходит. Культурно-историческая самобытность России интерпретировалась в этом контексте уже не как "проклятие", а как непреходящая базовая ценность. Соответственно этой новой парадигме переосмыслилось и отношение между "Мы" и "Они" в его международном преломлении, в том числе и применительно к внешнеполитическим задачам государства.

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 07-93-00102а.

Первоначально эти сдвиги в общественном сознании имели характер внутренне-го самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности. Уровень симпатий к США и ведущим государствам Западной Европы вплоть до конца 90-х годов оставался высоким, превышая уровень антипатий не менее чем в 7–9 раз (по разным странам данная пропорция несколько варьировалась). Однако неуклонное расширение НАТО на восток, бомбардировки Сербии, появление американских военных баз в государствах Центральной Азии и планы развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе, настойчивые попытки выстроить систему глобальных коммуникаций в обход России, явственно выраженная склонность к поощрению антироссийского политического вектора в СНГ и Балтии убеждали россиян в том, что западный мир в целом занимает далеко не дружественную по отношению к России позицию. В результате образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую связку с факторами угрозы.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что такие настроения широко распространены в российском обществе. Вместе с тем картина, которую мы получили в результате проведенного исследования, оказалась отнюдь не черно-белой. Она выявила разновекторность массового сознания, наличие в нем противоположно направленных тенденций и определенных смысловых "несостыковок". Несмотря на явно нарастающее взаимное недовольство, около 35% наших сограждан убеждены, что эти отношения в последнее время улучшились, тогда как противоположной точки зрения придерживаются чуть более 16% опрошенных (каждый четвертый ответил, что отношения остались такими, какими и были).

Представляют интерес мнения россиян о том, к каким странам мира, символизирующим соответственно Запад и Восток, ближе всего Россия: по культуре, по экономике и по национальному характеру. Мы предлагали респондентам оценить оценку социокультурную дистанцию между цивилизациями, отметив место России в той или иной клеточке разработанной нами специально для такого анализа 11-балльной шкалы. Вопрос этот начиная с 1998 г. неоднократно включался в программу наших исследований, что позволило сформировать эмпирическую базу для построения временного ряда данных, в рамках которого достаточно отчетливо просматриваются определенные тренды. В таблице 1 представлены полученные нами данные за 1998, 2004 и 2007 годы.

Интерпретируя данные таблицы, естественно было бы считать, что оценки, проставленные респондентами в одной из клеточек в левой части шкалы, относят Россию к Западу, а в правой — к Востоку. При этом сравнительная интенсивность "западных" и "восточных" черт культуры, экономики или национального характера выражается положением соответствующей клеточки на шкале — проставившие крестик или галочку в крайней левой из них, очевидно, придерживались мнения, что Россия в соответствующей сфере социальной жизни практически ничем не отличается от стран Запада, а те, кто выбрал крайне правую, стремились тем самым подчеркнуть ее "восточную" или, если угодно, "азиатскую" сущность. Остается еще центр шкалы, одинаково удаленный и от правой, и от левой ее оконечности. Его нельзя однозначно соотнести ни с Западом, ни с Востоком, поэтому разумно было бы интерпретировать проставленные здесь оценки как указывающие на промежуточную, переходную, "евразийскую" природу России. Поскольку сопоставление "веса" одной-единственной клеточки с "весом" любой из полуосей уже априори представляется методологически сомнительным, то в качестве "евразийского" участка шкалы в проводившихся нами исследованиях мы обычно рассматривали всю ближайшую окрестность центральной точки шкалы (т.е. не только 6-ю, но и примыкающие к ней справа и слева 5-ю и 7-ю клетки).

Таблица 1.

К каким группам стран ближе всего Россия? (цифры в каждой из клеточек 11-балльной шкалы обозначают процентную долю респондентов, отметивших в своем ответе данную клеточку, в общем числе ответивших)

1998

А) По культуре:												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	9,3	8,1	14,9	17,0	10,3	23,6	4,2	5,1	4,1	1,5	1,9	Китай, Япония, Индия
Среднее значение 4,4												
Затруднились ответить 3,1												
Б) По экономике												
США, Франция, Германия	2,4	2,0	5,3	7,3	5,8	25,9	10,2	12,9	11,9	6,1	10,2	Китай, Япония, Индия
Среднее значение 5,4												
Затруднились ответить 3,1												
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	7,1	5,2	10,0	11,5	10,5	39,1	5,0	4,5	3,5	1,6	2,0	Китай, Япония, Индия
????Среднее значение ?????												
?????Затруднились ответить ?????												

2004

А) По культуре:												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	8,0	8,0	16,5	16,1	10,1	21,4	4,7	4,9	4,1	1,0	1,6	Китай, Япония, Индия
Среднее значение 4,4												
Затруднились ответить 3,1												
Б) По экономике												
США, Франция, Германия	3,8	2,3	6,5	9,4	9,0	24,7	8,4	11,6	10,3	4,5	6,8	Китай, Япония, Индия
Среднее значение 5,4												
Затруднились ответить 3,1												
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	5,6	5,0	9,6	12,4	11,4	32,7	6,8	5,4	3,6	2,3	2,6	Китай, Япония, Индия
Среднее значение 4,9												
Затруднились ответить 3,5												

<i>А) По культуре:</i>												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	12,2	10,9	18,6	12,7	9,8	17,3	4,8	2,9	3,7	2,1	2,1	Китай, Япония, Индия
<i>Среднее значение 4,4</i>												
<i>Затруднились ответить 3,1</i>												
<i>Б) По экономике</i>												
США, Франция, Германия	8,9	6,4	11,4	9,7	10,8	23,1	6,7	5,9	7,2	2,8	4,0	Китай, Япония, Индия
<i>Среднее значение 5,4</i>												
<i>Затруднились ответить 3,1</i>												
<i>В) По национальному характеру</i>												
США, Франция, Германия	10,1	9,0	13,1	9,7	11,0	25,8	5,4	3,6	4,2	2,2	2,5	Китай, Япония, Индия
<i>Среднее значение 4,9</i>												
<i>Затруднились ответить 3,5</i>												

Исходя из этих методологических пояснений, дающих ключ к интерпретации полученных результатов, обратим внимание на некоторые особенности распределения ответов респондентов в разные годы и применительно к различным сферам жизнедеятельности российского общества.

В 90-е годы большинство россиян (50–51%) отождествляли себя с Западом только в культуре. Экономика царившего в те годы "дикого" капитализма казалась им чисто азиатским или, в лучшем случае, каким-то смешанным, "евразийским" явлением (количество ответов, проставленных в четырех правых клеточках шкалы и в центральной ее части было примерно равным и составляло в обоих случаях чуть больше 41%). Что касается национального характера, то по этому параметру россияне совершенно определенно аттестовали себя как "евразийцев" (в центральной части шкалы сконцентрировано около 55% ответов, тогда как в "западной" — приблизительно треть, а в "восточной" — менее 12%). Несмотря на колебания значений соответствующих показателей (которые, впрочем, чаще всего не выходили за рамки значения возможной статистической погрешности), такая картина в общем и целом сохранялась и в 2004 г. Позднее ситуация стала меняться, причем довольно парадоксальным образом. Любой мало-мальски внимательный наблюдатель легко заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни сегодня во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. И если в оценках культуры, где россияне традиционно более всего сближали себя с Западом, указанная тенденция лишь слегка просматривается (доля считающих, что по культуре Россия стоит гораздо ближе к США, Англии, Франции, чем к Индии или Китаю, увеличилась с 2004 г. всего на 6%), то приме-

нительно к экономике можно говорить уже о значительной корректировке взглядов. Хотя наибольшее количество ответов так же, как в 1998 и 2004 гг., пришлось на центральную — "евразийскую" — часть рассматриваемой нами шкалы, процентный "вес" которой почти не изменился (ныне он составил 40,6%), в остальной картина изменилась "с точностью до наоборот". Доля считающих, что современная российская экономика приобрела "западные" черты, увеличилась по сравнению с 1998 г. более чем в 2 раза (с 17 до 36,4%), в результате чего она почти вплотную подтянулась к "евразийскому" центру. В то же время процент тех, у кого народное хозяйство России по-прежнему ассоциируется с Востоком, в такой же пропорции сократился и ныне составил не более пятой части от общего объема выборки. Но если динамику оценок экономики в конце концов можно объяснить рационально (за последние годы действительно была проделана очень большая работа, направленная на то, чтобы придать российскому капитализму более или менее "цивилизованный" облик), то полученные в ходе опроса данные, касающиеся национального характера, оказались достаточно неожиданными. Здесь стабильным оставался уже не центр, а правая часть шкалы, где аккумулируются мнения той довольно немногочисленной части россиян, которой соотечественники представляются "людьми востока"; перераспределение же голосов происходило между центром и левой частью шкалы. Если в 1998 и в 2004 гг. более половины опрошенных старались разместить россиян на приблизительно равном удалении от американцев, англичан, французов, с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев — с другой, то в 2007 большая часть ответов (около 42%) впервые оказалась сконцентрирована на левой оконечности шкалы, перевесив "евразийский" ее участок примерно на 3–4%.

Чем вызвана эта вроде бы совершенно "нелогичная" тенденция, на первый взгляд, идущая вразрез с мейнстримом российской политической жизни? Единственным разумным объяснением, на наш взгляд, было бы то, что в действительности она сформировалась вовсе не вопреки, а, скорее, даже благодаря той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе на рубеже истекшего и нынешнего столетий. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, общество просто-напросто утратило психологическую потребность в том "надрывном" антизападничестве, которое до недавнего времени достаточно сильно проявлялось и в общественно-политической публицистике, и в массовом сознании: зачем в самом деле без конца подчеркивать то, что и так вполне очевидно? В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратили эмоциональный накал, обычно присущий борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то "западные" черты без риска утратить собственную идентичность. Надо учитывать и то, что Запад в российском самосознании выступает в разных ипостасях, причем в зависимости от конкретных условий на первый план может выходить то одна, то другая из них.

В качестве доминирующего субъекта международных отношений Запад представлен различными политическими, военно-политическими и экономическими структурами. Наиболее проблемной из них, в глазах россиян, является НАТО. Еще в середине 90-х годов, когда российская политическая элита уже активно заявляла о своей обеспокоенности решениями и действиями этого блока, большинство россиян воспринимали ситуацию весьма благодушно. Так, в 1998 г. только 4,4% опрошенных считали Североатлантический альянс источником реальной опасности. Однако всего через год под влиянием спланированной и осуществленной натовскими стратегами военной акции в Югославии уже около половины

опрошенных характеризовали его как враждебную России структуру. С тех пор отношение к НАТО в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным, причем такое положение достаточно прочно закрепилось на уровне эмоционального восприятия. Сегодня, согласно данным настоящего опроса, само слово "НАТО" вызывает положительные чувства менее чем у одного респондента из четырех, тогда как отрицательные — у 76% опрошенных.

Целый шлейф негативных ассоциаций уже давно сопровождает в массовом сознании образ США и американской политики. Если в 1995 г. свыше 77% респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно и только 9% неприязненно, то в начале текущего столетия доля первых сократилась до 37%, вторых же, напротив, выросла до 39–40%. В дальнейшем этот ушедший в "минус" баланс мнений стабилизировался и с тех пор практически не менялся. Проведенный летом 2007 г. опрос вновь подтвердил эти цифры: положительно относятся к США 37% опрошенных, а отрицательно — почти 45% (табл. 2).

Негативная аура Соединенных Штатов, конечно, не могла не распространиться на их союзников, в совокупности составляющих Запад как особый геополитический и культурно-исторический субъект. По сравнению с началом и даже серединой 90-х годов практически все они также лишились некоторой части своих приверженцев из числа россиян, хотя и не в такой степени, как США. При этом довольно отчетливо просматривается следующая закономерность: чем более самостоятельную и критическую позицию по отношению к американской стратегии глобального доминирования занимает та или иная страна Запада, тем теплее относятся к ней россияне. Безусловным фаворитом, несомненно, является Франция, которая со времен де Голля держится особенно независимо¹. Количество россиян, которым нравится эта страна, превышает число ей не симпатизирующих примерно в 8,5 раз. Несмотря на нелегкие для многих представителей старшего поколения воспоминания о Второй мировой войне, достаточно уважительно и дружелюбно воспринимается Германия. В данном случае перевес симпатий над антипатиями также достаточно убедителен — он составляет приблизительно 1:3. Свыше 72% российских граждан оценивают нынешние отношения России с Германией как хорошие и очень хорошие, тогда как плохими или очень плохими

Таблица 2.

Какие чувства вызывает у россиян упоминание об различных странах мира?, %

Страна	В основном положительные	В основном отрицательные	Затруднились ответить
США	37,4	44,7	17,9
Польша	37,3	37,9	24,8
Великобритания	51,5	25,1	23,4
Франция	75,1	9,2	15,7
Германия	62,4	21,1	16,5
Япония	60,0	18,1	21,9
Китай	44,7	32,2	23,0
Индия	64,1	11,4	24,5
Сербия	43,8	21,6	34,6
Украина	48,9	33,8	17,3
Казахстан	63,0	15,0	22,0

¹ С избранием президентом Франции Н. Саркази, открыто признавшимися в любви к Америке, ситуация может измениться. — Прим. ред.

их назвали всего 7,5% (кстати до 37% россиян считают, что общая трагедия времен войны, скорее, сближает, чем разъединяет бывших противников). А вот "туманный Альбион", который часто безоговорочно поддерживает даже такие действия США, которые другим кажутся чрезвычайно сомнительными, на этом фоне несколько проигрывает. Если в 1995 г. по уровню популярности среди россиян Великобритания почти не уступала Франции и на 7–8% опережала Германию, то в 2007 г. она уже отстает от Германии примерно на 11 процентных пунктов. Попытки сыграть роль противовеса России не прошли даром даже для традиционно близкой ей Украины: обращает на себя внимание не только довольно скромная позиция, которую она заняла в "рейтинге симпатий", но и необычно высокий для "братской республики" уровень антипатий. Еще хуже выглядит в глазах россиян Польша, пытающаяся играть роль лидера проамериканских сил в Евросоюзе и одновременно — одного из главных критиков политической стратегии Кремля и спонсируемых им геоэкономических проектов².

Подвижный баланс прозападных и антизападных настроений в российском обществе, несомненно, надо рассматривать как фактор, влияющий на складывающийся в массовом сознании образ Европы. Этот образ в целом привлекателен и окрашен в отчетливо позитивные тона. Европа для россиян — более близка, чем Америка или, допустим, Азия (хотя отношение к таким традиционно связанным с Россией азиатским странам, как Индия или Казахстан, отнюдь не хуже, чем к любой отдельно взятой европейской стране, исключая Францию). В ходе исследований выяснилось, что индикатор положительных реакций на слово "Европа" весьма высок. В 2007 г. он зафиксирован на уровне 72%. Выше по рейтингу идет только Россия (около 96%). Азия же и Америка в этом плане проигрывают Европе соответственно 20 и 30%.

Интересно отметить, что между числовыми значениями индикаторов, отражающих эмоциональное восприятие понятий "Европа" и "Европейский союз (ЕС)", существует разительный перепад, который устойчиво держится на уровне 20%. Летом 2002 г. положительные ассоциации с первым из этих понятий зафиксированы у 79%, а со вторым — только у 59% респондентов, в 2007 г. — соответственно у 72 и 53%. Объяснить этот факт, который, на первый взгляд, может показаться логической аномалией, можно только тем, что Европа как особое культурно-историческое образование ближе и понятнее россиянам, чем Европа — ЕС, выступающая в виде институционального субъекта международной политики.

Сопоставляя мнения респондентов по разным вопросам, касающимся положения России в мире, мы в свое время сделали вывод о том, что Европа выступает в политическом мышлении наших сограждан как бы в двух ипостасях — "западной" и "собственно европейской". Из чего, в частности, следовало, что недоверие к ней как *Западу* может уравновешиваться тяготением к ней именно как к *Европе*. В то же время отмеченная выше тенденция к сокращению дистанции, которая в глазах наших сограждан отделяет их от Запада, по идее должна была бы способствовать снятию негативной нагрузки с "западной" составляющей образа Европы и тем самым — еще большему распространению благоприятных оценок Европы в российском обществе. На деле, однако, этого не произошло. Если сопоставить результаты тех наших исследований, в которые, начиная с 2000 г., включался тест на эмоциональное восприятие социально-политических

² Здесь в связи с появлением нового политического лидера также возможны изменения и в отношении руководства Польши к России, и, соответственно, в отношении наших граждан к полякам. — Прим.ред.

концептов, можно заметить, что доля респондентов, у которых слово "Европа" вызывает положительные чувства и ассоциации, постоянно уменьшалась. Происходило это не очень быстро, но неуклонно, и за какие-нибудь шесть–семь лет уменьшение стало достаточно ощутимым (2000 г. — 83%, 2004 г. — 79%, 2007 — 72%). Соответственно, неприязненные реакции на слово "Европа" встречаются значительно чаще (в 2000 г. они были зафиксированы у 17% опрошенных, а в 2007 — уже у 27%).

Симптомы охлаждения россиян к Европе проявились и в идеологически отрефлектированной "картине мира". В 2002 и 2004 гг. большая часть респондентов (почти 42%) поддерживала тезис о том, что Россия — часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI в. будет теснее всего связана именно с этой частью мира. Сегодня так думают лишь 35% опрошенных. Данная точка зрения уже не преобладает: примерно такое же количество опрошенных считает, что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой совершенно особую — евразийскую — цивилизацию и в будущем центр ее политики будет смещаться на восток.

Учитывая то обстоятельство, что вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) не только имеет сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности, упомянутая тенденция, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания. Что вызвало ее к жизни? Ответ на этот вопрос подсказывает анализ мнений по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в выходе России из кризиса, причем за пять лет эта цифра весьма заметно сократилась (на 12%). Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) согласилось с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. Большинство же убеждены в совершенно обратном: около половины — в том, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти две трети — в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами. Такая интерпретация намерений и действий европейских стран преобладает во всех социально-демографических группах и несколько смягчается лишь в категории граждан с материальным достатком выше среднего.

Не будем комментировать эти мнения по существу. Но очевидно, что антиросийская риторика европейских СМИ, дело Литвиненко, попытки принудить Россию принять не устраивающие ее правила игры в энергетике, лояльное отношение Евросоюза к кампании по сносу советских военных памятников в некоторых странах Восточной Европы не прошли даром. Если в начале текущего десятилетия многим россиянам казалось, что Россия и Европа (по крайней мере, так называемая "старая Европа") способны понять друг друга на основе концепции многополярного мира и критического отношения к гегемонии единственной сверхдержавы, то дальнейший ход событий основательно их разочаровал. Коллективно испытываемое чувство разочарования, по-видимому, и стало толчком к той переоценке отношения к Европе, о котором мы говорили выше. В то же время анализ всей совокупности полученных данных указывает, что эту тенденцию вряд ли можно в полной мере объяснить какими-то конкретными "обидами". Параллельно разочарованию в европейской политике мы наблюдаем и определенную утрату интереса к Европе, в том числе, снижение значимости того, что можно назвать "европейским примером" для России.

В этой связи уместно задать ряд вопросов, касающихся "культурной повседневности" современной России. Насколько "европейскими" являются культурные интересы россиян? Насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой? В какой степени политический диалог России с Европейским сообществом подкрепляется культурной практикой "среднестатистического" российского гражданина?

Некоторые эмпирические данные, позволяющие дать ответы на эти вопросы, читатель найдет в таблице 3.

Как видно из таблицы, основным источником информации о жизни европейских стран и их культуре для россиян являются кино и телевидение, в меньшей степени — книга. Причем сразу же бросается в глаза то, что за последние пять лет эти три информационных потока заметно обмелели. Так, доля читателей книг европейских писателей в 2007 г. сократилась по сравнению с 2002 г. на 10%, количество зрителей, посмотревших европейские фильмы и телепередачи о Европе, — примерно на 16%. Сократилось и потребление специализированной информации — читать специальные издания о жизни и культуре европейских стран стали на 6% меньше. Правда, это снижение отчасти компенсировал Интернет, однако действительно значимым источником сведений о Европе он является только для молодежи: в возрастной категории до 25 лет им пользовались с этой целью примерно 15% опрошенных, но уже после 35 лет эта доля становится меньше средней по выборке.

Непосредственные личные впечатления распространены довольно ограничено. Это связано с тем, что многие россияне предпочитают познавательным турам по крупным городам Европы чисто "пляжный" отдых на курортах Турции или Египта. За последний год хотя бы одну из европейских стран удалось посетить всего 4,4% опрошенных, да и то в основном молодым людям (в категории до 25 лет цифра становится заметно более весомой — 7,6%). Такие дающие определенный запас живых впечатлений формы культурных контактов, как посещение выставок и концертов европейских артистов, охватывают в общей сложности незначительную часть населения, которая сократилась по сравнению с 2002 г. примерно вдвое. Более широко циркулирует опосредованная информация, почерпнутая от знакомых, но и она доходит лишь до одного человека из шести.

Таблица 3.

Как россияне в течение последнего года познакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры?, %

Явления европейской жизни и культуры	2002	2007
Посетили одну из европейских стран	4,5	4,4
Прочитали книгу европейского писателя	26,9	16,7
Посетили выставку, посвященную европейской культуре	6,2	3,1
Сходили на концерт европейских артистов	6,2	3,4
Посмотрели европейский кинофильм	56,6	41,7
Читали специальные издания (газеты, журналы) о жизни и культуре в странах Европы	19,9	13,8
Смотрели телевизионные передачи, посвященные европейской культуре	55,6	38,9
Слушали радиопередачи, посвященные европейской культуре	20,7	11,7
Получали информацию о жизни и культуре Европы через Интернет	3,8	5,7
Получали информацию о жизни Европы от друзей и знакомых, проживающих или часто бывающих там	20,1	17,7
Другое	1,3	0,2
За последний год не познакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры	22,2	31,2
Трудно сказать		7,6

К тому же подобная информация касается в основном бытовых вопросов и не имеет специфического достоинства живой наглядности.

Российское пространство, если рассматривать его с точки перспективы культурной интеграции с Европой, неоднородно. Вполне понятно, что менее всего ее влияние ощущается в деревне и рабочем поселке. Жители поселений такого типа уступают в этом отношении не только крупному, но и малому городу буквально по всем позициям, причем по некоторым из них в несколько раз. Например, выставки и концерты европейских артистов они посещают в 4–8 раз реже, чем жители районных центров, о москвичах же и петербуржцах даже говорить не приходится: в этом случае разрыв становится 15–20 и даже 25-кратным. Таким образом, города выступают в качестве своеобразных "конденсаторов" зарубежного социокультурного опыта. Различия в этом плане между городами также существуют, но самые крупные из них отнюдь не являются безусловными лидерами межкультурной коммуникации. Так, областные и районные центры практически не уступают Москве и Санкт-Петербургу по степени "телевизионного" знакомства с европейскими странами. Их жители так же или почти так же часто смотрят европейские фильмы и слушают радиопередачи, рассказывающие о жизни и культуре европейских стран. А вот европейскую беллетристику в областных и, что особенно удивительно, в районных городах знают даже лучше, чем в мегаполисах.

Примечательно, что за последние пять лет провинциальные города преодолели разрыв со столичными по включенности в международное общение через Интернет. В 2002 г. получали этим путем информацию о жизни и культуре Европы: в Москве и Петербурге 8% жителей, в областных городах около 5% и в районных 3%. В 2007 г. данный показатель по мегаполисам снизился (что косвенно свидетельствует о снижении интереса к Европе вообще), но по областным и районным вырос. В результате областные города перегнали мегаполисы чуть ли не в 2 раза, а районные практически сравнялись с ними.

Информация от часто бывающих в Европе или постоянно там живущих друзей и знакомых доступна горожанам практически в равной степени. Вместе с тем, когда мы обращаемся к показателям, характеризующим интенсивность *непосредственных* контактов с жизнью и культурой современной Европы, картина становится совершенно другой. Здесь четко обозначаются разрывы культурного опыта, причем последние заметны уже при сопоставлении Москвы и Санкт-Петербурга с другими крупными городами. Различия между областными центрами и глубиной также значительны, но все же они в целом менее выражены. Всего за последний год в странах Европы побывали примерно 15,5% жителей мегаполисов. В областных центрах этот показатель в 3,5, а в районных — в 5 раз ниже. Возможности селян и жителей небольших поселков оказались еще более ограниченными, но все же они бывают в европейских странах не реже, чем жители районных городов.

Впрочем, социокультурная среда современного российского города, в свою очередь, также очень неоднородна, и "силовые линии" культурно-информационного взаимодействия с Европой распределены в ней весьма неравномерно. Дело в том, что "чувствительность" к европейским влияниям в современном российском обществе зависит от социально-демографических различий. Как известно, открытость к зарубежным культурам и интенсивность взаимодействия с ними более всего проявляются в молодости. Тенденция эта действует не только на уровне культурных предпочтений и установок (соотношение оценок "нравится" и "не нравится"), но и на уровне реального выбора культурных объектов (получение информации, знакомство с теми или иными книгами, посещение культурных ме-

роприятый). Вот и проведенное исследование подтвердило, что у молодежи "окно в Европу" открыто шире, чем у россиян более старшего возраста. При этом, однако, значения большинства индикаторов, характеризующих степень включенности молодежи до 35 лет в культурно-информационное поле Европы, заметно снизились: по чтению книг европейских писателей с 31–38 до 16–22%, по посещению выставок и концертов с 7–12 до 3–5%, по просмотрам кинофильмов с 62–78 до 43–56%, по знакомству со специальными изданиями о жизни Европы с 25–35 до 15–20%. Выросло же за рассматриваемый период значение лишь одного показателя — активности использования в качестве источника информации о жизни европейских стран Интернета (и кроме того, практически неизменной осталась доля молодых респондентов, повывавших эту жизнь своими глазами).

Отметим и еще одно обстоятельство — резкое снижение порогового возраста, когда россияне проявляют наибольшую заинтересованность в получении информации о Европе. В 2002 г. он составлял примерно 40–45 лет; лишь после этого интерес к информации такого рода начинал заметно снижаться. В настоящее время показатели, характеризующие вовлечение респондентов в поле культурно-информационного взаимодействия с Европой, довольно резко падают уже после 25.

Реконструировать "семантическое наполнение" образа Европы в массовом сознании и сопоставить его с образом России позволяют ответы респондентов на вопрос о том, какие слова из предложенного им списка ассоциируются с Западной Европой или/и с Россией. Полученные данные приведены в таблице 4.

Таблица 4.

Какие слова ассоциируются с Западной Европой и Россией, %

Слова	Западная Европа, 2002	Западная Европа, 2007	Россия, 2002	Россия, 2007
Права человека	79,9	79,3	16,9	27,2
Расцвет	66,9	63,9	16,7	31,0
Гуманизм	41,4	45,0	38,1	47,0
Угроза	43,2	56,7	24,6	28,2
Воля	29,0	30,7	42,3	55,6
Культура	64,4	52,9	56,5	69,2
Слабость	12,3	21,6	57,3	60,2
Благополучие	82,4	87,7	6,1	15,3
Угнетение	18,7	33,9	42,3	48,6
Скука	27,3	35,7	33,8	42,6
Свобода	58,9	62,6	34,2	35,8
Кризис	14,3	24,1	79,6	72,2
Безопасность	52,6	59,0	16,8	30,6
Насилие	39,2	44,7	56,9	46,9
Цивилизация	78,7	80,1	15,7	26,8
Патриотизм	25,0	21,3	68,4	78,3
Интеллект	41,5	41,1	61,6	65,0
Энергия	34,8	32,4	49,0	62,1
Честность	27,6	29,7	40,3	55,4
Духовный мир	29,8	24,8	63,6	73,1
Лицемерие	55,6	59,8	35,1	31,1
Дисциплина	70,1	69,7	27,4	22,4
Наркотики	75,4	68,4	75,6	62,2
Моральный упадок	32,5	44,8	63,1	58,2
Демократия	62,9	69,7	28,6	30,7
Эгоизм	50,0	59,0	29,0	28,7
Гармония	37,2	41,9	18,0	36,9
Взаимопомощь	30,7	28,7	55,0	66,4
Сила	45,2	39,4	48,5	59,4

Нетрудно заметить, что ассоциативный "портрет" Европы в 2007 г. почти такой же, как в 2002. Обращает на себя внимание увеличение веса некоторых отрицательных характеристик ("угроза", "угнетение", "скука", "моральный упадок", "эгоизм"). Но если выделить четыре–пять общезначимых смысловых ассоциаций, которые респонденты отмечали чаще всего, то окажется, что их набор остался тем же, что и в 2002 г. "Западная Европа" для россиян это по-прежнему в первую очередь *благополучие, цивилизация, права человека, демократия, дисциплина*. На указанных характеристиках сходятся по существу все основные социально-демографические группы.

Образ России изменился за это время в гораздо большей степени. Подсчитаем общее количество включенных в таблицу семантических индикаторов, значение которых выросло или уменьшилось по сравнению с 2002 г. более чем на 5% (что заведомо превышает величину статистической погрешности и, стало быть, уже никак не может рассматриваться как случайная флуктуация). В столбце "Россия" их 22, а в столбце "Западная Европа" — 13. Если говорить не обо всех, а только о *значительных* изменениях, подняв соответственно и порог расчета (допустим, с 5 до 10%), то в первом случае их обнаружится 13, а во втором — только 1. Еще важнее перегруппировка смыслов по их рейтингу. В 2002 г. Россия, к сожалению, ассоциировалась в первую очередь с "кризисом" и "наркотиками", и только вслед за этими безусловно негативными понятиями шли позитивные — "патриотизм" и "духовный мир", от которых лишь немного отставал завершающий список пяти самых значимых ассоциаций "моральный упадок". В 2007 г. первая пятерка характеристик России выглядит уже иначе: "патриотизм", "духовный мир", "кризис", "культура", "взаимопомощь". Кризис, как мы видим, в этом ассоциативном ряду все еще остается, но он уже не выходит на самый первый план, и в общем итоге положительная семантика начинает преобладать над отрицательной (четыре положительных признака против одного отрицательного).

Рассматривая эволюцию образа России в массовом сознании, нельзя не обратить внимание на существенный рост всех индикаторов в очень важном смысловом кластере, характеризующем внутренний динамизм страны ("сила — воля — энергия"). Наблюдается не только абсолютное повышение значений этих индикаторов, но и значительное увеличение разрыва в частотах соответствующих ассоциаций в пользу России: так, по понятию "сила" этот разрыв составлял в 2002 г. 3%, а в 2007 г. уже 20%, по понятию "энергия" — 14 и 30%, "воля" — 13 и 25%. Обращают на себя внимание и заметно более высокие "баллы", которые Россия получила практически по всему спектру положительных духовных качеств, причем не только морального, но и интеллектуального плана: "честность", "патриотизм", "духовный мир", "интеллект", "гуманизм". Сюда же в принципе можно отнести и понятие "культура". Если еще пять лет назад оно ассоциировалась в сознании наших респондентов больше с Европой, чем с Россией, то сегодня ситуация поменялась на прямо противоположную. Правда, это практически не отразилось на сопоставлении Европы и России с точки зрения цивилизации (и, очевидно, цивилизованности): хотя по этому показателю позиции нашей страны тоже несколько улучшились, все же общепризнанным эталоном "цивилизации" для россиян по-прежнему остается Европа.

И образ России, и образ Западной Европы в массовом сознании в достаточной степени инвариантны относительно социальных и демографических различий. "Вес" отдельных семантических компонентов в каждом из образов несколько колеблется по возрастным группам, а также в зависимости от уровня образования и материального положения респондентов. Но эти колебания носят

хаотический характер. Во всяком случае, какие-либо отчетливые тенденции, выявляющие разрывы в интегральном восприятии России и Европы между поколениями, образовательными группами, а также социальными слоями, различающимися по своим доходам и статусу, не обнаруживаются. Скорее, можно говорить об отдельных оттенках мироощущения, связанных с возрастом, образованием, социокультурным опытом. Например, у молодых россиян образ России почти в 1,5 раза чаще, чем у пожилых ассоциируется со словом "угроза". Но в целом молодые и пожилые, имеющие высшее образование и не имеющие даже среднего образования, живущие в достатке и малообеспеченные, на ассоциативно-эмоциональном уровне приблизительно одинаково представляют себе как свою собственную страну, так и Западную Европу.

Описанные тенденции, безусловно, в чем-то субъективны. Тем не менее из этого не следует, что россияне воспринимают себя и свою страну в розовом свете. Об этом говорят, в частности, весьма критические оценки России по таким параметрам, как, например, "демократия", "свобода", "угроза", "скука", "моральный упадок", которые по сравнению с данными пятилетней давности улучшились очень незначительно или совсем не улучшились. Впрочем, россияне вряд ли рассматривают "демократию" как предмет первой необходимости. Психологически им сейчас гораздо важнее почувствовать симптомы выхода страны из затяжного кризиса, а это ощущение, судя по тому как меняется образ России в сознании ее граждан, у них сейчас появилось. Поэтому, сопоставляя свою страну с Западной Европой и сознавая многочисленные и важные преимущества последней, россияне сегодня отнюдь не чувствуют себя подавленными или, тем более, "потерпевшими поражение". Как говорил когда-то канцлер А. Горчаков, "Россия сосредотачивается". Именно так, судя по всему, воспринимается складывающаяся на сегодня ситуация в массовом сознании.

Using the data from several sociological surveys the author examines public assessments of the role of Russia in the world, similarities and differences in national traits in Russia, compared to countries of the East and the West, analyses feelings to Russia in various countries, as well as attitudes of the Russians to different countries.

Е.П. Тавокин РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА "ОБРАЗОВАНИЕ" В ЮГЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

За два года реализации приоритетного национального проекта "Образование" выяснилось, что в нем, несмотря на его очевидную стратегическую абстрактность (впрочем, этот недостаток характерен для всех четырех национальных проектов) заложен гибкий государственно-общественный управленческий механизм. Это дает основание для надежд на то, что с его помощью окажется возможным приостановить деградацию образовательной сферы, повысить каче-

ТАВОКИН Евгений Петрович — доктор социологических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС).